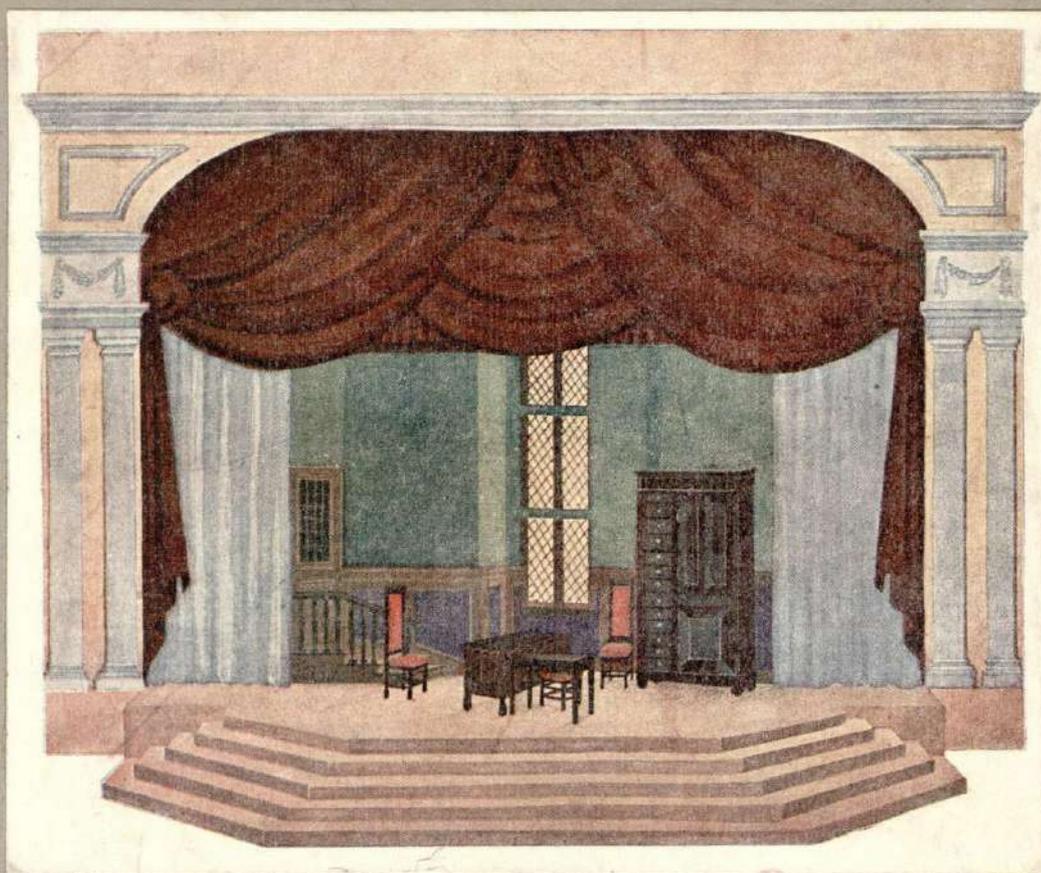

Искусство

и жизнь

О. Гзовская

ПРАВДА
НА СЦЕНЕК 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
О. КНИППЕР-ЧЕХОВОЙ

...Малый зал Дома Союзов (прежде Благородное собрание). Мягкий свет люстр, белые стены, и на их фоне на эстраде высокая стройная брюнетка в белом суконном платье, отделанном соболями. Она читает «Алешу Поповича», балладу Алексея Толстого. Русский задор и озорство сквозят в словах Алешки Поповича. Спокойная и глубокая любовь в ответных словах полоненной царевны...

Вот то впечатление, которое получили мы, гимназистки, пришедшие на концерт, где выступала артистка Московского Художественного театра Ольга Леонардовна Книппер. После стихотворения Алексея Толстого она читала Блока — «Девушка пела в церковном хоре». И опять она была совсем другая, не менее обаятельная. Гром аплодисментов, гимназистки бегут к рампе, вызывают свою любимицу. Простой поклон, без всякого жеманства, без всякой театральности, весело и задорно смотрят на нас блестящие черные глаза.

Московский Художественный театр. На афише «Вишневый сад». Мы входим в зал. Тихо и медленно раздвигается занавес с белой чайкой. Куда-то далеко уводит нас исполнение Книппер роли Раневской в «Вишневом саду». Это не театр, то что мы слышим и видим — это сама жизнь.

Вот сцена Раневской и Ани (совершенно забываемая исполнительница арт. М. П. Лилина). Мать объясняется с дочерью. Какой-то особой силой, без всякой форсировки и нажима звучит голос Книппер. Ее смех и слезы смешиваются ей присущим приемом. И вся трагедия этой женщины заставляет нас понять и почувствовать глубину замысла Чехова. Весь образ Раневской изображен был многогранными сверканиями. То, что делала Книппер, неповторимо, ибо она жила и ни одной минуты не представляла. Ее игра была построена на большой правде. Моментами мы досадовали на Раневскую, моментами жалели, а были минуты, когда хотелось ей помочь и ответить так, как отвечала Аня.

В этом образе Книппер, помимо внутреннего рисунка, нашла очень интересную и внешнюю характерность образа. Смех Раневской, ее движения, походка ничуть не были похожи на то, что делала Ольга Леонардовна в «Трех сестрах», когда играла Машу. Здесь опять что-то новое здесь она опять другая, энер-

О. Книппер-Чехова. Портрет работы А. Лактионова (1940).

гичная, сильная, страстная, пленительная, лишенная всякой сентиментальности и нытья. К сожалению, это последнее так часто присутствует в исполнении этой роли нашими молодыми актрисами. Маша, в сцене объяснения во время пожара с Вершининым (гениальным исполнителем этой роли К. С. Станиславским), вырастала до большого героического образа. И какими простыми, скромными приемами и благородством достигала этого Ольга Леонардовна. Устремленные на Вершинина глаза меняли свое выражение без слов. Смех — опять иной, чем у Раневской. Улыбка то мечтательная, то почти inferнальная. Да, эта пленительная Маша, обладающая огромным сердцем, заставляла нас сожалеть о том, что где-то в провинции должна погибать эта женщина. Последняя сцена прощания с Вершининым. Нервная походка, и опять эти выразительные глаза, ожидающие прихода Вершинина. Это большое искусство актрисы уметь без слов, одними глазами дать почувствовать зрителю целую гамму сложнейших душевных переживаний. Перед нами на сцене был живой человек; и прав был Константин Сергеевич Станиславский, который в своей книге «Моя жизнь в искусстве» писал, что зрители шли на «Трех сестер» не в театр, «а ехали в гости к Прозоровым». Большая доля в этих ощущениях принадлежит исполнению Книппер роли Маши.

Когда я поступила в Художественный театр, я увидела Ольгу Леонардовну Книппер в жизни, ближе поз-

накопилась с ней. Тогда было принято, вступая в театр, представляться старшему товарищу. Я поехала к ней домой. Я увидела скромную, уютную квартиру, и в этой домашней обстановке — приветливую и любезно встретившую меня хозяйку. Она так обласкала меня, что волнение, с которым я входила к ней, быстро улеглось. Я почувствовала себя храброй, мне было просто и легко. В этой беседе Ольга Леонардовна говорила со мной о предстоящей работе в «Гамлете», где она играла роль королевы, а я должна была играть Офелию. Она владела свободным английским языком и привела несколько цитат из Шекспира, говоря об образе королевы. В постановке тогда участвовал режиссер Крэг, который требовал от исполнительницы роли королевы изображения жестокой, злой и глупой женщины. Ольга Леонардовна не соглашалась с этим, она прибавляла к этим краскам другие и, с ее точки зрения, главные. Это была, по мнению Книппер, ослепленная женщина, не видевшая недостатков короля, нежная, любящая мать и в своем отношении к Офелии добрая и чуткая женщина. И если она делала злые поступки, то думала этим принести добро своему сыну. Живое, а не марионеточное изображение королевы резко расходилось с теми надуманными и театральными приемами, которые диктовал Крэг. Тут я увидела, что Ольга Леонардовна не только прекрасная актриса, но женщина большой культуры, ума, начитанности.

Эта беседа с Ольгой Леонардовной дала мне очень много, и я долго обдумывала, как важно для молодой актрисы никогда не успокаиваться, а всегда и вечно искать новое и совершенствоваться, учась у старых мастеров их неисчерпаемой энергии и постоянному стремлению вперед.

Пришли спектакли «Гамлета». Сцена между королевой, Полонием и Офелией (передача подарков Офелией Гамлету) свела меня с Ольгой Леонардовной в декорациях при свете прожекторов и переполненном зрительном зале. Здесь я увидела, как настоящие слезы блестят в ее глазах, настоящие слезы, когда она ласково берет руку Офелии, передавая ей последнее поручение о подарках. Передо мной была страдающая женщина королева, и я невольно почувствовала, как сама, заражаясь ее настроением, я как-то крепче, отчетливее понимаю и чувствую все, что должна делать Офелия дальше. Это и есть то настоящее общение, когда один актер заражает другого и они, сливаясь воедино, несут зрителю мысль и чувства, вложенные автором, в изображаемых ими образах.

Сцена сумасшествия Офелии... Какой растерянностью, тревогой и заботы была полна королева в исполнении Ольги Леонардовны. Без слов слушающая мадригал, который пели в ее честь придворные девушки, не говоря ни одного слова, передавала она эти чувства. Входит Офелия. Подойдя к королеве и увидев выражение ее лица, ее мимику, мне легко было говорить с нею, я забывала, что передо мною гримированная в костюме актриса, а видела королеву.

Следующая моя встреча с Ольгой Леонардовной была в пьесе Тургенева «Где тонко, там и рвется». В роли моей матери, мадам де Либаф, выступала Книппер. В ее игре уже не было ничего ни от королевы, или Маши, или Раневской: это была «кружевная» помещица, ленивая, мечтательная, любезная хозяйка дома, со всеми оттенками тургеневского стиля, с широкой, тургеневской, русской речью. Образ тургеневской женщины Ольга Леонардовна играла уже во второй раз. В первый раз это была Наталья Петровна в «Месяце в деревне». Ее Наталья Петровна сочетала в себе и какие-то черты Лизы «Дворянского гнезда» и Елены «Накануне» и выходила далеко за пределы тех Натальи Петровны, которые исполнялись до нее. В этой постановке впервые по-настоящему была вскрыта К. С. Станиславским тургеневская манера речи и стиль его героинь. Минимум движений и максимум внутренней взволнованности, необычайная прозрачность тончайших переживаний и чувств, — все это было в исполнении Ольги Леонардовной этой роли. И потому-то таким большим контрастом прозвучала новая мадам де Либаф-Книппер. Поэзия и отзвук героини французского романа, который был в «Месяце в деревне», здесь совершенно исчез. Перед нами была настоящая русская помещица. Даже голос ее звучал как-то сдобно, широко. Чувствовалась большие поля и про-

сторы имения Либафовых, которые так хорошо передали в своих декорациях художник Добужинский, и фону их вполне созвучна была хозяйка этого имения.

Нет ни одного женского образа, где бы Ольга Леонардовна повторяла себя. Походка Раневской «Вишневого сада» ничуть не напоминает Елену Андреевну «Дяди Вани». А в пьесе «У жизни в лапах» Кнута Гамсуна героиня превращалась в абсолютно западную женщину, ничуть не похожую на все предыдущие русские образы. Песенка, которую она игриво пела, становясь на диван, слегка опьяневшая, и произнося слова песни полуговором, маленькими мазками раскрывала нам трагедию отцветающей женщины. Вообще женственность, привлекательность, коварство и глубокие переживания любви, радости или ненависти всегда были сильной стороной этой актрисы.

На палитре ее творчества много красок, ей не страшны годы, она владеет легко и свободно драмой и комедией и всегда дает на сцене образ, а не только характерность.

Нельзя обойти молчанием исполнение Книппер роли графини внучки в «Горе от ума». Ольга Леонардовна по-новому трактовала ее. Легкий английский акцент в русской речи, презрение к окружающему ее обществу — она выше его потому, что умнее и образованнее. Это не просто злая старая дева, но умная, обиженная, когда-то гордая красавица, разбитая невеста в прошлом. Все это Книппер передавала скупыми, но яркими красками, и от этого эпизодическая фигура превращалась в крупное действующее лицо.

Ольга Леонардовна всегда относится к своим товарищам по работе — и к молодым, и к старым — одинаково дружески и тепло.

Я помню, когда шла пьеса «Осенние скрипки» Сургучева, молодая актриса Жданова, игравшая роль Верочки в этом спектакле, мне говорила: «Когда я работаю с Ольгой Леонардовной, мне кажется, что передо мной действительно моя мать, так она ко мне относится и так помогает мне в работе над моей ролью». А это так важно для молодой актрисы, которая впервые появляется на сцене такого театра, как Художественный, да еще в большой ответственной роли. Такое отношение в работе к партнеру создает атмосферу спектакля, и получается правда на сцене. Верится, что это мать и дочь, а не актрисы, играющие эти роли. На сцене — та художественная правда, о которой всегда говорил великий Станиславский.

Наряду с серьезностью в Ольге Леонардовне есть что-то детское, наивное, милое. Недаром же ее товарищи за глаза называют «Олечка Книппер». Она хранит в себе большую жизнерадостность и веселость.

Сколько юмора и жизни было в ее выступлениях, когда мы собирались тесной актерской семьей у К. С. Станиславского в его день рождения или под новый год! Ольга Леонардовна пела там французские бержеретки, принимала живейшее участие во всех

выдумках, затеях, пародиях и шалостях и оживляла своим остроумием шумную и веселую беседу.

Я хорошо помню день 8 марта 1932 года, утренний концерт, посвященный Женскому дню. Шла обычная программа. И вдруг на сцену вышла Ольга Леонардовна, поистине прекрасная представительница женщин. Она чудесно прочитала отрывок из Толстого. Женщинам, сидевшим в этот день в театре, приятно было видеть на советской сцене такую актрису, и думалось: хорошо бы побольше таких.

Совсем недавно, когда было празднование юбилея Московского Художественного театра в Ленинграде, на банкете в «Астории», Ольга Леонардовна снова вносила оживление и веселье. То тут, то там можно было видеть ее беседующей то с тем, то с другим или среди танцующих пар.

К концу вечера все устали и поблекли, а она, освещенная из окон светом белой ночи, провожая гостей, набросила на себя какое-то мужское пальто и кепку одного из уходивших товарищей и стала, напевая французскую песенку, изображать парижского мальчишку с папироской в зубах. Сколько в ней энергии и жизни! Большой художник всегда несет в себе большую неутомимость, и возраст ему не страшен: он будет долго молодым.

Во время нашей последней встречи, летом этого года, у В. И. Качалова, я стала говорить о работе, о трудностях и волнениях в театре, которые встречаются на пути каждой актрисы. Не фразы утешения или сочувствия говорила Ольга Леонардовна — и это всегда характерно для нее, — а призывала бороться, добиваться, не унывать, и все это бодрим, веселым голосом, перемежая слова своим характерным контрольным смешком. Да, вот за эту бодрость, за эту жизнерадостность, за смелость и дерзание в искусстве, за всегда жизнерадостный дух любит и ценит ее наш советский зритель. И недаром отмечена она высоким званием и знаками отличия. Если художник — большой мастер — любит искусство беспредельно, верит, борется и идет к намеченной цели прямо, честно, открыто и просто, отдавая все силы служению театра и нашему зрителю, он всегда выйдет победителем. Ведь искусство связано с природой, а природа вечна, вечно и искусство. Если большой мастер, художник отдает искусству сердце и свою жизнь, свои юные и зрелые годы, то его жизнь будет всегда полноценна.

В юбилейную дату этой большой прекрасной актрисы хочется высказать одно пожелание: хорошо бы, если бы наши советские авторы сумели написать такую пьесу, которая была бы достойной того, чтобы стать в одинаковый ряд с пьесами Антона Павловича Чехова, и создали бы в ней роль, равноценную тем ролям, которые играла и играет в произведениях Чехова, Толстого, Горького с таким блеском и талантом народная артистка Ольга Леонардовна Книппер-Чехова.